

О ПЕВЦАХ, СЛЕПЦАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ: К ИСТОРИИ ПЕРВОГО ПУШКИНСКОГО ПЕРЕВОДА ИЗ ШЕНЬЕ

Речь в этой заметке пойдет об известном пушкинском наброске «Внемли о Гелиос, серебряным луком звенящий...», который считается первой попыткой Пушкина переводить Шенье, хотя, как отмечалось исследователями, следы чтения его стихов и интереса к его творчеству фиксируются в текстах Пушкина уже с начала 1820 г. [Рак 2004: 385]. Набросок традиционно датируется 1823 г.

Вопрос о датировке этого автографа будет важен для нашего дальнейшего сюжета, поэтому я остановлюсь на нем подробнее. Впервые публикуя «Внемли, о Гелиос...», П. О. Морозов поместил его среди стихотворений 1822 г. [Морозов 1903: 339]. Под тем же годом оно напечатано С. А. Венгеровым [Венгеров 1908: 157], однако позднее Морозов переместил набросок в раздел стихотворений 1823 г., поскольку он соседствует в тетради с письмом А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 г. [АН 1912: 360–361]. Это же решение было повторено М. А. Цявловским в издании «Красной нивы» [КН 1930: 343] и [ГИХЛ 1931: 461–462] и затем утвердилось во всех последующих собраниях сочинений Пушкина. В 1936 г. М. А. Цявловский уточнил датировку, обозначив ее как «июнь 1823 г.» и обосновал это «положением в тетради» [Acad. 1936: 722].

Впервые обстоятельно вопрос о времени написания «Внемли, о Гелиос...» подняла В. Б. Сандомирская в статье «Первый перевод Пушкина из Андре Шенье» [Сандомирская 1974: 183–184]: согласившись с тем, что письмо к Бестужеву может служить ориентиром для датировки, исследовательница, тем не менее, вновь расширила ее рамки, высказав уверенность в том, что тетрадь, работа в которой велась с обеих сторон, была уже заполнена к моменту написания наброска, за исключением пробела на л. 37–41, где и был выполнен перевод. «Таким образом, вполне закономерна широкая датировка этого перевода — 1823 год, — опирающаяся на дату письма к Бестужеву, принятая Морозовым в комментариях к академическому изданию в 1912 г.; можно даже сказать: „1823 год, после 13 июня“; но датировка, предложенная академическим изданием, — „предположительно, июнем 1823“, несмотря на ее предположительность, все же представляется необоснованно суженной», — резюмировала Сандомирская [Там же: 184].

Попытку передатировать текст 1825 г. сделал С. А. Фомичев, описывая историю заполнения рабочей тетради Пушкина ПД № 832. На

основании этой работы запись датируется 1825 г. и в факсимильном издании Рабочих тетрадей Пушкина [Раб. тетр. 1995: 78]. С. А. Фомичев исходил из гипотезы, что записанная несколькими страницами ранее эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» была направлена против М. С. Воронцова и, соответственно, возникла не ранее 1824 г., когда отношения Пушкина с Воронцовым обострились [Фомичев 1986: 241–242]. Однако позднее С. А. Фомичев сам переатрибутировал эпиграмму, предположив, что она относилась к Ф. И. Толстому (Американцу) и могла появиться не позднее 1 сентября 1822 г., т. е. того момента, когда Пушкин объявил в письме к Вяземскому: «...я свое дело сделал и с Толстым на бумаге более связываться не хочу» [Пушкин 1937–1959: XIII, 44; Фомичев 1995: 84]. В таком случае отпадает необходимость передатировать тексты, входящие в тетрадь ПД 832 временем после 1824 г., и ничто не противоречит традиционной точке зрения, что тетрадь полностью заполнялась в 1821–1823 гг.

Позиция В. Б. Сандомирской, тем не менее, также вызывает сомнения. На основании палеографических данных мы не можем уверенно утверждать, что набросок перевода появился позже всех остальных записей в тетради. Дело в том, что эта тетрадь заполнялась не только с двух сторон, но и с большими пропусками: некоторые листы так и остались чистыми (л. 24, 38 об.–40, 41), в середине тетради чередуются листы, исписанные в прямом и обратном направлениях, — очевидно, работая то с одной, то с другой стороны тетради, Пушкин периодически пролистывал несколько страниц, оставляя место для текущей работы, и на пробельных листах делал записи, с ней не связанные. Так, в частности, отвлекаясь от большого замысла «Бахчисарайского фонтана» (занимающего в ПД 832 л. 19–29), он мог записать набросок перевода в середине тетради, оставив достаточное количество места для продолжения поэмы.

Стихотворный отрывок «Внемли, о Гелиос...» написан в том же направлении, чернилами и почерком, очень схожими с записями, сделанными на л. 28–28 об. — последних листах работы над «Бахчисарайским фонтаном» в тетради ПД 832. Эти записи О. А. Проскурин предположительно датировал маем–июнем 1822 г. В принципе обоснование датировки, предложенное Проскуриным, допускает и конец апреля [Проскурин 2007: 257]. Вероятно, к этому же времени может быть отнесен и набросок перевода. Письмо к Бестужеву, хотя и соседствует с этим текстом, написано в другом направлении и несколько другими чернилами. Взаимное расположение записей не позволяет достоверно установить, какая из них появилась раньше, однако характер отпечатков непросохших чернил на этих двух страницах и расположение записей по отношению к этим отпечаткам скорее могут говорить о том, что письмо Бестужеву писалось тогда, когда лист с наброском

перевода был уже заполнен. В любом случае привязка времени написания наброска к письму представляется мало логичной — продолжая работать последовательно на соседних листах, Пушкин едва ли стал бы переворачивать тетрадь то прямо, то вверх ногами. Таким образом, мы с достаточно большой долей вероятности можем предположить, что работа над переводом относится не к 1823 г., а к весне—лету 1822 г. Теперь на время оставим вопрос о датировке и обратимся к самому отрывку.

Стихотворение «Внемли, о Гелиос...» представляет собой довольно близкий перевод первых 26 стихов идиллии Андре Шенье «Слепец», что отмечено еще П. О. Морозовым и подробно рассмотрено в соотношении с оригиналом В. Б. Сандомирской [Сандомирская 1974: 177–181]. Идиллия Шенье описывает явление старого, слепого и немощного Гомера на остров Сикос. Его высадили со своего судна жадные и жестокие купцы: ему нечем было им заплатить, а петь для них, подчиняясь их грубым, высокомерным приказам, он отказался. Встретив дружелюбный прием у местных мальчиков-пастухов, старик поет для них и силой своего дара привлекает к себе всех обитателей острова. В финале жители Сикоса предлагают Гомеру прибежище и обещают славить день, когда он явился на их остров. Вся основная часть идиллии — песнь Гомера — осталась Пушкиным непереуведенной. Он ограничился первой сценой встречи слепца с пастухами и бросил работу на полуслове.

В. Э. Вацуру указал, что появление этого наброска могло быть связано с тем, что примерно в это время Пушкин перечитывал Ш.-Ю. Мильвуа, чья элегия «Странствующий Гомер» была явно ориентирована на «Слепца» Шенье. Большой отрывок из идиллии Шенье содержится в авторском примечании к «Странствующему Гомеру»¹. Однако первое издание Мильвуа, в котором элегия была напечатана со ссылкой на «Слепца», вышло в самом конце 1822 г. (объявление о нем напечатано в «Bibliographie de la France» от 21 декабря²). Если наша датировка верна, то это издание не могло послужить толчком для пушкинского перевода. Хотя некоторое опосредованное влияние на историю появления наброска элегия Мильвуа как таковая могла оказать — к этому мы еще вернемся. Однако непосредственным поводом для обращения к «Слепцу», по всей видимости, стал совсем другой текст.

¹ Впервые стихотворение Мильвуа было напечатано в 1815 г. без этого примечания, появившегося лишь в посмертном издании 1822 г., что дает основания сомневаться в его авторстве. Возможно, оно было приписано поэту издателями Жаном Дюма и Шарлем Нодье (см. об этом в комментариях В. Э. Вацуру и В. А. Мильчиной в [Французская элегия 1989: 645]).

² Bibliographie de la France. 1822. № 51 (21 decembre). P. 754, запись 5609.

Идиллия Шенье написана рифмованным александрийским стихом, тогда как перевод выполнен безрифменным русским гекзаметром, подчеркивающим греческий колорит стихотворения и, по мнению Б. В. Томашевского, возвращающим «стихам Шенье их античную оболочку, которой они не могли иметь в подлиннике» [Томашевский 1960: 79]. «Внемли, о Гелиос...» — первая пушкинская проба этого размера, и, по видимому, именно разработка гекзаметра, попытка овладеть им стала основной целью перевода — это заметно по характеру правки автографа, подчиненной в первую очередь, задаче разнообразить ритмический рисунок стиха. Как известно, русский гекзаметр к моменту написания «Внемли, о Гелиос...» был прочно связан в сознании читателей с именем Н. И. Гнедича, с двумя его переводами «Илиады», причем связан именно в противопоставлении с александрийским стихом, поскольку Гнедич сначала (в 1807–1811 гг.) перевел VII и VIII песни как раз александрийским стихом — в продолжение перевода Е. Н. Кострова (1755–1796), а затем, с 1812 г. взялся за полный перевод гекзаметром, породивший знаменитую полемику о гекзаметре, длившуюся в печати целых пять лет³.

Отмечу в скобках, что отзвуки этой дискуссии обнаруживаются в «Письме к издателю „Сына отечества“» П. А. Катенина, напечатанном в 13-м номере «Сына отечества» за 1822 г. (ценз. разр. от 10 апреля). Эта публикация упомянута в черновом письме Пушкина к Катенину, непосредственно предшествующем листам с «Бахчисарайским фонтаном» — собственно, на основании чернового письма к Катенину и указания в нем на «Сын отечества» как раз и устанавливается верхняя граница датировки этой части автографа поэмы. Начало полемике положило открытое письмо С. С. Уварова к Гнедичу о применимости и предпочтительности (в сравнении с александрийским стихом) гекзаметра в русском стихосложении для передачи духа античности. Письмо содержало, в частности, ставшую хрестоматийной фразу: «Когда вместо плавного, величественного экзаметра я слышу скудный и сухой александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье» [Уваров 1813: 65]. Итак, переводя Андре Шенье, «из классиков классика», по его

³ Уваров С. С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре // Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68; ответ Гнедича — Ibid. С. 69–72; Письмо В. В. Капниста к С. С. Уварову о экзаметрах — Ibid. 1815. Чтение 17. С. 18–42; Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. 2-е изд. СПб., 1817. С. 50 и след.; Гнедич Н. И. Замечание на Опыт о русском стихосложении г-на В. и нечто о прозодии древних // Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 10–11. С. 99–146, 187–221 и др.; подробно о полемике см. [Егунов 1964: 174–188]; см. также [Бонди 1978: 326–327], [Мордовченко 1959: 132–133].

определению, Пушкин вполне закономерно «переодел» его из «французского платья» в хитон гекзаметра, несомненно имея в мыслях Гнедича — тем более, что в стихах речь идет о Гомере, Гнедичем переведенном. Однако, вероятно, связь пушкинского наброска с Гнедичем была более тесной и непосредственной.

В конце февраля 1822 г. в печати появилась идиллия Гнедича «Рыбаки», опубликованная одновременно в «Сыне отечества» (ценз. разр. от 23 февраля) и отдельной брошюрой (ценз. разр. от 21 февраля). «Рыбаки» были написаны безрифменным пятистопным амфибрахийем — еще одним размером, использовавшимся для передачи на русском языке греческих гекзаметров; им, например, Мерзляков перевел «Одиссею» [Егунов 1964: 137]). Идиллия содержит явные реминисценции из «Слепца» Шенье, более того, ее можно до известной степени рассматривать как ответ на него. Так же, как в «Слепце», в «Рыбаках» первоначально высказывается сомнение в том, что дар песнопения может привести к чему-то, кроме нищей старости:

— Enfants, du rossignol la voix pure et légère
N'a jamais apaisé le vautour sanguinaire,
Et les riches grossiers, avarés, insolens,
N'ont pas une ame ouverte à sentir les talens.

[Chénier 1819: 26]⁴

Ср. у Гнедича: «Не песнями ль, милый, ты здесь затеваешь кормиться? / Ты с голоду сгибнешь, иль с сумкой воротиться к дому», «Здесь хлеба не выпоешь, выплачешь легче» [Гнедич 1822: 24, 25]. Именно эту линию подхватил в своем «Странствующем Гомере» («*Homère mendiant*», 1815) Мильвуа: его Гомера, просящего о пропитании и предлагающего в благодарность прославить благодетеля песней, не пускают на порог богатого дома, где продолжаются пир и веселье. Однако, вопреки пессимизму Мильвуа, и на острове Сикос (в идиллии Шенье), и на берегу Невы (у Гнедича), обнаруживаются любители песен, способные оценить божественный дар:

Шенье:

— Viens, suis-nous à la ville; elle est toute voisine,
Et chérit les amis de la muse divine.
Un siège aux cloux d'argent te place à nos festins;
Et là, les mets choisis, le miel et les bons vins,

⁴ «Нет, дегти Соловей, чье пенье так прекрасно, / Задобрить коршуна старался бы напрасно. / Скупцам и богачам, исполненным вражды, / Таланта не понять; они ему чужды» (здесь и далее цитируется перевод Вс. Рождественского) [Шенье 1995: 32].

Sous la colonne où pend une lyre d'ivoire,
Te feront de tes maux oublier la mémoire.

[Chénier 1819: 27]⁵

Гнедич:

Вон там, на Неве, под высоким теремом светлым
Из камня, где львы у порога стоят как живые,
Под теремом тем обитает боярин великий,
Уже престарелый, но, знать, в нем душа молодая.
Под теремом тем, ты слышал ли, как в летние ночи
И струны рокочук и вещи носят гласы?
Знать, старцы слепые боярина песнями тешат.

[Гнедич 1822: 27]

Далее у Гнедича «боярин» приветчает и награждает рыбака за его песни. По-видимому, следуя в этом сюжете логике Шенье, Гнедич имел в виду и вариант Мильвуа, от которого отталкивался: именно у Мильвуа появляется развернутое описание богатого дома, где идет постоянный пир и хозяйина услаждают музыканты, но где, однако, нет места для слепого старца:

... A Lycus appartient cette enceinte
Où l'art des Doriens le dispute à Corinthe:
Pour les parvis des Dieux le marbre réservé
Soutient de son palais le portique élevé;
Cent vierges, qu'enfanta l'Inde voluptueuse,
Couvrent de mets choisis sa table fastueuse,
Et dans les coupes d'or épanchent en ruisseaux
Les vins délicieux de Chypre et de Naxos,
Jusqu'à l'heure où, lassé de la bruyante orgie,
Il s'endort aux doux sons des flûtes de Phrygie.

[Millevoe 1822: 114]⁶

В «Рыбаках» есть и картина, прямо повторяющая мизансцену «Слепца»:

⁵ «Пойдем же в город к нам! Совсем он недалеко, / Жрецов бессмертных муз там ценят все высоко, / И место на пиру тебе припасено. / Там яства лучшие и доброе вино / У храма, где висит божественная лира, / Заставят позабыть тебя всю злобу мира» [Шенье 1995: 33].

⁶ «Вблизи чертог стоит, / где вкус дорический Коринфа блеск мрачит. / В притворах мраморных — богам приличны входы; / Колонны гордые поддерживают своды. / Сто дев из Индии блестящей красотой / Одушевляют пир счастливца дорогой, / И кипрское вино гостям, за круговую / Из золота чистого в сосуды льют рекою, / Дотоль, как утомясь, при звуке томных лир, / Хозяин сладким сном кончает шумный пир» — пер. Д. П. Глебова; цит. по [Французская элегия 1989: 265, 267].

Я помню из детства, как в нашем селении старец,
Захожий слепец, наигрывал песни на струнах
Про старые войны, про воинов русских могучих.

Мы все, ребятишки, как вкопаны в землю стояли...

[Гнедич 1822: 26]

В поздней редакции идиллии сходство еще развито и усилено, что свидетельствует в пользу неслучайности отмеченной параллели:

Я помню из детства, как в нашем селении старец,
Захожий слепец, наигрывал песни на струнах
Про старые войны, про воинов русских могучих.
Как вижу его: и сума за плечами и кобза,
Седая брада и волосы до плеч седые;
С клюкою в руках проходил он по нашей деревне
И, зазванный дедом, под нашу хатой уселся.
Он долго сперва по струнам рокотал молчаливый,
То важную думой седое чело осеняя,
То к небу подъявля незрячие, белые очи.
Как вдруг просветлело седое чело песнопевца,
И вдруг по струнам залетали костистые пальцы;
В руках задрожала струйчатая кобза, и песни,
Волшебные песни, из старцевых уст полетели!
Мы все, ребятишки, как вкопаны в землю стояли...

[Гнедич 1956: 197]

Ср. у Шенье:

Il poursuit; et déjà les antiques ombrages
Mollement en cadence inclinaient leurs feuillages;
Et pâtres oubliant leur troupeau délaissé,
Et voyageurs quittant leur chemin commencé,
Couraient; il les entend près de son jeune guide,
L'un sur l'autre pressés, tendre une oreille avide;
Et nymphes et sylvains sortaient pour l'admirer,
Et l'écoutaient en foule, et n'osaient respirer,
Car en de longs détours de chansons vagabondes
Il enchaînait de tout les semences fécondes, <...>

Et les héros armés, brillant dans les campagnes
Comme un vaste incendie aux cimes des montagnes, <...>

Ainsi le grand vieillard, en images hardies,
Déployait le tissu des saintes mélodies.
Les trois enfants émus, à son auguste aspect,

Admiraient, d'un regard de joie et de respect,
De sa bouche abonder les paroles divines...

[Chénier 1819: 28–29, 32]⁷

Реминисценции эти были вполне закономерны: Гнедич не только читал, но и переводил Шенье — о его переводе «Терентинской девы», напечатанном в «Полярной звезде» на 1823 г. (ценз. разр. от 30 ноября 1822 г.), Пушкин писал брату 30 января 1823 г.: «Гнедич у меня перебивает лавочку —

Увы напрасно ждал тебя жених печальный

и проч. — непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнассе» [Пушкин 1937–1959: XIII, 56]. Это письмо легло в основу гипотезы о том, что именно «Терентинская дева» побудила Пушкина вступить в состязание с Гнедичем и взяться за перевод «Слепца» [Сандомирская 1974: 169]. Однако, исходя из всего вышеизложенного, позволю себе предположить, что в этом письме поэт высказывает шутливую ревность, относящуюся не к планируемому им переводу, а к уже совершившемуся собственному подступу к поэзии Шенье.

Теперь возвратимся к поднятому в начале заметки вопросу о датировке пушкинского текста. Исследование рукописи привело нас к предположению о том, что набросок перевода относится к концу апреля/маю–июню 1822 г. А 29 апреля 1822 г. Пушкин писал Гнедичу: «Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю моего Кавказского пленника; в награду за присылку прелестной вашей Идиллии (о которой мы поговорим на досуге) завещаю вам скучные заботы издания» [Пушкин 1937–1959: XIII, 37]. Единственной «прелестной идиллией», которую в это время мог прислать Пушкину Гнедич, были «Рыбаки». Похоже, что Пушкин опознал слепца Шенье в слепом кобзаре Гнедича, воспетом одним из традиционных «античных» размеров, и обратился к французскому оригиналу. Видимо, тогда-то ему и пришла в голову мысль перевести стихотворение о Гомере, написанное

⁷ «Так старец говорил. Дубы, сыны столетий, / Тенистые ему в ответ качали ветви, / Все пастухи, забыв стада средь сочных трав, / Все путники в полях, начатый путь прервав, / Сбегались. Опершись на мальчика рукою, / Слепец почувствовал, что окружен толпою. / Сильваны, нимфы свой к нему стремили путь / И слушали его, почти боясь дохнуть. / Он, развивая песнь, как свиток бесконечный, / Вещал о первых днях, о мудрости извечной <...> / О доблестных мечах, сверкающих в сражении, / Как молнии средь туч в заоблачном смятении <...> / Великий так рапсод в виденьях вдохновенных / Развил пред ними ткань мелодии священной. / Три юных пастуха, взирая на певца, / Стояли полные почтения без конца, / А с уст его лилось божественное пенье...» [Шенье 1995: 34, 36].

«классиком из классиков», стихотворным размером самого Гомера — а точнее, фирменным «гомеровским» размером его знаменитого переводчика.

Литратура

- АН 1912 — Пушкин. Соч. СПб., 1912. Т. 3.
- Бонди 1978 — Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978.
- Венгеров 1908 — Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг., 1908. Т. 2.
- ГИХЛ 1931 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьёва, П. Е. Щеголева. М.: Л., 1931–1933 (1931. Т. 1–3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5. Кн. 1–2).
- Гнедич 1822 — Гнедич Н. И. Рыбаки // Сын отечества. 1822. Ч. 76. № 8. С. 22–38.
- Гнедич 1956 — Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая серия).
- Егунов 1964 — Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964.
- КН 1930 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1 (Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 г.).
- Мордовченко 1959 — Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
- Морозов 1903 — Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 1.
- Проскурин 2007 — Проскурин О. А. «Бахчисарайский фонтан»: Комментарии // Пушкин. Соч. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. М., 2007. С. 251–363.
- Пушкин 1937–1959 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М; Л., 1937–1959.
- Раб. тетр. 1995 — Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т. Факсим. изд.] / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с СПб. Руководители совм. проекта Э. Холл, С. А. Фомичев. СПб.; Лондон; Болонья, 1995–1997.
- Рак 2004 — Рак В. Д. Шенье // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. С. 385.
- Сандомирская 1974 — Сандомирская В. Б. Первый перевод Пушкина из Андре Шенье // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 167–184.
- Томашевский 1960 — Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.
- Уваров 1813 — Уваров С. С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзамене // Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68.
- Фомичев 1986 — Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД №. 832 (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 224–242.

- Фомичев 1995 – Фомичев С. А. Из комментария к лирике Пушкина: Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 1995. Вып. 26. С. 78–86.
- Французская элегия 1989 – Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: [Сб.] / Вступ. ст. и коммент.: В. Э. Вацуро, В. А. Мильчина. М., 1989.
- Шенье 1995 – Шенье А. Соч.: 1819. М., 1995.
- Acad. 1936 – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л., 1936. Т. 1.
- Chénier 1819 – Chénier A. Œuvres complètes. P., 1819.
- Millevoye 1822 – Millevoye Ch.-H. Œuvres complètes. P. 1822.

НЕ

*Музыкальное
Приношение,*

ИЛИ

Allegro affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Каца

Редакторы-составители:
*Александр Долинин, Илья Доронженков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013